

КУЗНЕЦКСТРОЕВЦЫ И ГОРОЖАНЕ: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ФОРМИРОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА СТАЛИНСКА В 1930-Е ГГ.

**KUZNETSKSTROEVTSY
AND TOWNSPEOPLE: TO THE QUESTION
OF THE SOURCES OF FORMATION
OF THE POPULATION
OF THE INDUSTRIAL TOWN
OF STALINSK IN THE 1930S.**

**A. Borin
A. Muzalev**

Summary. The article based on archival sources examines the forming of the population of the Stalinsk in the 1930s. The social composition of the population and its growth dynamics are analyzed. It describes the main social problems, including the lack of housing and the underdevelopment of urban infrastructure. The conclusion is made about the high degree of marginalization of the population and the peculiarities of the most important process of adaptation of city residents to the new situation and environment.

Keywords: industrialization, marginalization, urbanization, Siberian town.

Борин Аркадий Георгиевич

*К.и.н., доцент, Новокузнецкий филиал (институт)
ФБГОУ ВО Кемеровский государственный университет
Locotos1863@gmail.com*

Музалев Антон Владимирович

*Старший преподаватель, Новокузнецкий филиал
(институт) ФБГОУ ВО Кемеровский государственный
университет
musalew2@gmail.com*

Аннотация. В статье на основе архивных источников изучается проблема формирования населения г. Сталинска в 1930-е гг. Анализируется социальный состав населения и динамика его роста. Описываются основные социальные проблемы, в том числе недостаток жилья и неразвитость городской инфраструктуры. Делается вывод о высокой степени маргинализации населения и особенностях важнейшего процесса адаптации жителей города к новой ситуации и среде.

Ключевые слова: индустриализация, маргинализация, урбанизация, сибирский город.

Индустриальные «города», являясь детищем советской индустриализации, создавались для решения главной задачи — обеспечения производства рабочей силой. Под влиянием производственной составляющей в таких «городах при заводах» формировался промышленный городской уклад и соответствующий ему городской образ жизни. В условиях структурной перестройки экономики такие города столкнулись с целым рядом трудноразрешимых проблем, среди которых проблемы занятости населения, функционирования городской инфраструктуры, поиск путей дальнейшего развития. Изучение источников формирования населения «города при заводе», выполненное на материалах города Сталинска (с 1961 г. переименован в Новокузнецк), направлено на определение путей развития индустриального города в современных условиях.

Общепризнано, что носителями городской культуры и городского образа жизни являются горожане. При этом население любого города представлено не только

горожанами, но и жителями города — всеми, кто проживает на территории города. Проживание на территории города является формальной характеристикой принадлежности к городскому социуму, в то время как содержательные характеристики определяются степенью воспроизведения стандартов городского образа жизни. В свою очередь, устойчивое следование стандартам городского образа жизни зависит от времени проживания в городском социуме и специфики механизмов формирования, складывания городского населения.

Образцово-показательный советский город Сталинск — город «витрина социализма» — возводился на базе строительной площадки Кузнецкого металлургического комбината — Кузнецкстроя — в рамках модели «города при заводе» [1]. Главной чертой такого города являлась его неразрывная связь с градообразующим предприятием: город строился для комбината, на средства комбината и население города формировалось из строителей и рабочих комбината.

Особенностью формирования городского населения в городе, являясь высокой, по сути, еще одним цехом завода, являлась высокая динамика численности населения в нем: за 1926–1939 гг. население города Сталинска увеличилось в 12 раз, достигнув в 1940 году численности 180 тыс. человек. Высокие темпы роста численности городского населения выделяли Сталинск из числа других быстрорастущих индустриальных городов [2, С. 30].

Главным фактором, обусловившим сверхвысокие темпы роста численности населения Сталинска, являлись высокие темпы роста численности рабочих на строительной площадке Кузнецкстроя. Последнее стало следствием не только высоких темпов строительства Кузнецкого металлургического комбината (далее — КМК), продиктованного увеличением плановых заданий первых пятилеток, но и необходимости выполнения большого объема работ по подготовке площадки для строительства комбината, при практически полном отсутствии техники [3, С. 13].

На сегодняшний день общепризнано, что крайне неудачно выбранная для строительства комбината Горбуновская площадка, потребовала выполнения значительного объема такой неквалифицированной работы, как выемка и перевозка грунта (эту работу выполняли землекопы и перевозчики грунта — грабари). Следствием этого стала сверхконцентрация на строительной площадке дешевой и малоквалифицированной рабочей силы, составившей основу городского населения Сталинска.

Существовала прямая взаимосвязь между ростом рабочей силы на Кузнецкстрое-КМК и на других предприятиях города и ростом численности населения в призаводском поселке. На 1 января 1930 г. в городе проживало 14 тыс. человек, из которых 49% (6862 чел.) было занято на строительных работах. Год спустя при численности населения в городе 51,7 тыс. человек на промышленных предприятиях было занято 39 тыс. человек (75%), в том числе на Кузнецкстрое — 21 тыс. (40% или 53% от всех работающих).

Обращает на себя внимание то, что наиболее высокими темпами численность кузнецкстроевцев увеличивалась до ввода в строй основных производств: за период 1930–1931 гг. численность строителей КМК увеличилась в 2,7 раза, в течение следующего года еще в 1,5 раза по сравнению с уровнем 1931 г. [4, С. 47; 5, С. 16; 6, С. 17] На 1 января 1934 г. численность строителей составляла 38043 человека. Когда потребность в строителях, не имевших квалификации, снизилась, сократились и показатели прироста численности занятых на строительстве КМК. В 1940 г.

на комбинате работало только 16 тыс. человек (8,9% от численности проживающих на территории города).

Таким образом, рост численности занятых на строительстве комбината приводил к увеличению численности жителей, проживающих в поселке при строительной площадке, которому в 1931 году был присвоен статус города.

Формирование населения в городе при заводе, как и характер превращения строителей завода — кузнецкстроевцев в горожан, зависели не только от темпов и масштабов, но и от каналов и источников формирования рабочей силы на Кузнецкстрое.

Отметим, что формирование рабочей силы на Кузнецкстрое, как и населения, неразрывно связанного с комбинатом города Сталинска, шло при определяющей роли государства, деятельность которого являлась главным градообразующим фактором, как в советский, так и в досоветский период истории.

Решить проблему обеспечения строящихся на территории Кузбасса предприятий рабочей силой власть намеревалась при помощи привлечения рабочей силы с других территорий. Такие намерения вполне укладывались в концепцию социалистического расселения, согласно которой промышленные предприятия должны равномерно распределяться по территории страны, а рабочая сила — подвозиться к ним в необходимых количествах [7]. Такой подход к решению проблемы социалистического расселения диктовался интересами быстрейшего создания военной промышленности. Принципиально важным представлялось и относительно равномерное размещение предприятий оборонного комплекса по всей территории страны. В свою очередь это приводило к закладке новых заводов там, где это было удобно с точки зрения сырьевых, а не человеческих ресурсов.

Необходимость привлечения рабочей силы из других регионов СССР диктовалась тем, что покрыть потребности «великой стройки», развернувшейся на левом берегу реки Томи, в рабочей силе не могли ни город Кузнецк [8, С. 51], ни Кузбасс, ни, даже вся Сибирь, которая к началу 1930-х гг. оставалась трудодефицитным регионом. Так, город Кузнецк, расположенный на правом берегу Томи, к 1931 г. насчитывал всего 5,8 тыс. человек, в то время как Кузнецкстрою ежегодно требовалось 38,9 тыс. строителей

Формирование рабочей силы на Кузнецкстрое и населения города Сталинска происходило в сжатые сроки через добровольное и, главным образом, принудитель-

ное переселение [8, С. 75]. Характер формирования рабочей силы Кузнецкстроя, в свою очередь, определял целевые установки переселяющихся и характер адаптации в условиях стройки-города.

Добровольное переселение включало в себя организованный набор рабочей силы (оргнабор) через вербовку добровольцев, служебные командировки, партийные, комсомольские и профсоюзные мобилизации, а также добровольное переселение свободных граждан (самотек). Принудительное — использование труда заключённых и насильственное переселение граждан, поражённых в правах. Отличия добровольного переселения от принудительного в условиях 1930-х гг. были весьма относительными, и сводилось к наличию, либо отсутствию у переселяющихся возможности смены места работы, жительства и т.д. На практике многих из тех, кто «добровольно» оказывался на стройках и предприятиях Кузбасса, вынуждали к тому либо чрезвычайные обстоятельства, среди которых стремление легализовать переезд из села в город в условиях проводимой коллективизации и административное воздействие, включая партийно-комсомольскую дисциплину. Поэтому для многих «добровольцев» реальной возможности выбора, в том числе срока пребывания в городе, не существовало.

Наиболее значимым каналом добровольного формирования рабочей силы была вербовка: за 1929–1940 гг. на Кузнецкстрой-КМК было завербовано свыше 110 тыс. человек, в основном, на территории Сибири и в значительной мере за её пределами.

Однако вербовка не являлась устойчивым, надёжным и, что немаловажно, дешевым каналом поступления рабочей силы: управлению Кузнецкстроя каждый завербованный обходился в 74 рубля [9]. Завербованные требовали от управления Кузнецкстроя выполнения обязательств, предусмотренных договором, в том числе выплаты высокой заработной платы и обеспечения жильем. На практике руководство Кузнецкстроя принятые на себя по договору обязательства часто не выполняло, особенно в части обеспечения жильем. Следствием являлся непрерывный отток завербовавшихся со стройки: на предприятии оставалось не более 10% от завербованных [9, Л.17].

Неорганизованное переселение в индивидуальном порядке — вольный наем или «самотек» — преобладало в добровольном переселении в 1926–1930 гг. и во второй половине 1930-х гг. В 1933 г. 37,7% прибыли на комбинат сами, в то время как в 1939 г. — 97% (8727 из 9022 человек) [9, Л.21]. Истинные причины «самотека», как и вербовки, могли быть различными, в том числе — бегство от развернувшейся коллективизации.

Эта категория рабочих, так же, как и завербованные, требовали от управления Кузнецкстроя обеспечения социально-бытовых условий своей работы. Как правило, эти требования не могли быть удовлетворены. В результате и вольнонаемные бежали со стройки-города: текучесть среди рабочих, прибывших самотеком, была наиболее высокой [8, С. 78]. Обыденностью для Кузнецкстроя были ситуации, когда в бригаде из 100 человек, сформированной из вольнонаемных, к утру не оставалось людей [10].

Несостоятельной оказалась и ставка государства на молодых энтузиастов строительства социализма — коммунистов, комсомольцев и т.д. Покрыть потребности промышленных предприятий только за счет добровольцев не удавалось. Это заставило власть использовать принуждение, как основной способ формирования рабочей силы строящихся предприятий, а, следовательно, и населения в городах при заводах.

С начала 1930-х гг. государство стало все более активно использовать принудительный труд спецпереселенцев [11] и трудопоселенцев. В качестве таковых выступали раскулаченные крестьяне Сибири и Европейской части страны, которых насильственно переселяли в Сибирь.

На сегодняшний день не нуждается в доказательствах, что армия спецпереселенцев формировалась с учетом производственных потребностей: поступавшие на «кулаков» заявки, во многом определяли масштабы «раскулачивания». А среди хозяйственников, вынужденных решать проблему обеспечения предприятий рабочей силой, существовала даже своеобразная «конкуренция» в борьбе за кулаков. И это притом, что хозяйственная деятельность спецпереселенцев в большинстве отраслей экономики носила затратный, неэффективный характер [12, С. 74–77].

«Достоинством» этой подневольной рабочей силы для работодателей — промышленных предприятий являлась ее безотказность и «нетребовательность» к условиям работы и жизни. Последнее позволяло предприятиям экономить как на социальной сфере, так и на расходах на выплату заработной платы. Следует обратить особое внимание на то, что широкое использование принудительного канала формирования рабочей силы являлось одной из важных причин неразвитости социальной сферы в Кузбассе в целом и в отдельных городах Кузбасса в частности [2, С. 31].

Официальные данные о количестве спецпереселенцев сильно отличаются [13, С. 19; 14, С. 192], но, в любом случае, их доля среди жителей города была значительной, составляя порядка 60% от общей численности.

Важным источником рабочей силы для Кузнецкстроя и формирования населения города являлись заключенные, отбывавшие трудовую повинность в лагерях, расположенных на территории города. При этом даже руководство Кузнецкстроя, испытывавшее острую нужду в рабочей силе, признавало, что экономическая эффективность труда заключенных была невысокой [15, Л. 121].

По материалам Переписи городского населения Кузбасса 1931 г численность заключенных, содержащихся на территории Кузнецкстроя, составляла 36% от общей численности населения города [5, С. 14–15]. В 1933 г. соотношение заключенных Сиблага, ИТУ и вольнонаемных на строительстве Соцгорода составляло 1:3, 1:1. Из 3500 рабочих — 1400 были заключенными, что составляло — 40%, а из 800 человек инженерно-технического персонала — 500 (62,5%) [15, Л. 120].

В целом на протяжении 1930-х гг. численность заключенных на территории города составляла не менее 20% от численности населения. После окончания срока заключения часть заключенных оставалась на месте отбывания наказания. Следствием наличия значительного количества заключенных, в том числе бывших, являлось формирование криминальной субкультуры в городе.

Преимущественно принудительный характер формирования городского населения определил его высокую миграционную мобильность, что является второй характерной чертой формирования населения Сталинска, также, как и городского населения Сибири в целом. Высокая динамика изменения численности населения города являлась следствием высокой динамики рабочей силы на комбинате.

Причин текучести кадров рабочих и населения города было достаточно много, но все они, так или иначе, были связаны с бытовой неустроенностью: острой нехваткой жилья, перебоями в снабжении продуктами питания, нехваткой товаров и т.д. Среди причин высокой текучести рабочих на Кузнецкстрое и населения неразрывно связанного с ним города необходимо отметить высокую численность сезонных рабочих, главным образом, крестьян из сибирских деревень [16, С. 18–19; 17].

Меры по закреплению кадров, предпринимаемые руководством комбината, носили, главным образом, административный характер, и, как следствие, не давали должного эффекта. Сформировать стабильный кадровый состав на комбинате и, следовательно, стабилизировать численность населения города, на протяжении 1930-х гг. не удавалось. Высокая динамика численности населения затрудняла формирование городского образа жизни.

У добровольного и принудительного источников формирования рабочей силы градообразующего предприятия и населения города Сталинска была одна общая черта: и в том, и в другом случаях происходило массовое переселение крестьян из деревни в город. Исследователи отмечают, что удельный вес крестьян в пополнении был выше именно на новых предприятиях. Если в Западно-Сибирском крае доля выходцев из деревни в среде пополнения промышленных рабочих составляла в 1930 г. 80%, в 1931 г. — 88%, в 1932 г. — 85%, то на КМК среди вновь прибывших рабочих крестьяне составляли 87,2, 91,1 и 90,5% соответственно [16, С. 56]. Приведенные данные подтверждаются материалами профсоюзной переписи 1932–1933 гг., которая показала, что 60% всех рабочих КМК являлись детьми крестьян [18].

В результате присвоения в 1931 г. поселку-колонии при строительной площадке завода статуса города, все кузнецкстроевцы были автоматически причислены к горожанам. Статус «горожанина» фиксировался институтом прописки.

На практике абсолютное большинство жителей Сталинска являлись городскими селянами, а носителей городской культуры — горожан — в составе жителей города было абсолютное меньшинство.

Работа на строительстве и эксплуатации металлургического комбината являлась достаточным основанием для одномоментного причисления крестьян к «горожанам». Однако «...многие новые рабочие, будучи уже заняты в промышленном производстве, продолжали считать себя крестьянами: в феврале 1931 г. на Кузнецкстрое из 13573 опрошенных, лишь 6373 считали себя рабочими (46,9%), а крестьянами — 7225 (51,4) [19]. Сохранение крестьянского самосознания выражалось в сохранении старого самоназвания: новые «горожане» называли себя по принадлежности к производственному процессу («кузнецкстроевцы»), стройке («строители»), профессиональному признаку (электрики, доменщики и т.д.), а также по районам проживания. В официальных документах и в печати первой половины и середины 1930-х гг. жителей города называли «кузнецкстроевцами» или «первостроителями» [20]. Употреблялись и термины, обозначающие не всё население города, а его отдельные категории (жители Соцгорода, жители Нижней колонии, либо металлурги, пиццевики, шахтеры и т.д.).

При этом, не осознавая себя горожанами [21], жители Сталинска достаточно четко проводили границу между выходцами из деревни, которые на сравнительно короткий срок прибывали на стройку, и собой, подчеркивая, что «им наш город не нужен» [22]. Главным основанием противопоставления являлся род занятий. Житель Ста-

линска видел свою безусловную «городскую» ипостась в сфере деятельности: он был занят на крупном промышленном производстве. Именно комбинат был главным атрибутом города для жителей уже в силу того, что в деревне такого в принципе не могло быть. На производственной составляющей самоидентификация нового «горожанина» и ограничивалась, поскольку иные составляющие городского образа жизни, либо отсутствовали, либо находились в зачаточном состоянии.

Носителей городской культуры в составе жителей города было абсолютное меньшинство.

Сами жители Сталинска видели свою принадлежность к городскому сообществу через сферу деятельности — работу на промышленном предприятии. На производственной составляющей самоидентификация нового «горожанина» и ограничивалась: поскольку комбинат был главным атрибутом города, постольку и работа на комбинате — главным признаком горожанина. В условиях индустриального города произошло отождествление горожанина и рабочего промышленного предприятия, что на долгие годы превращается в важнейший элемент социальной нормы.

Отождествление строителей и рабочих с горожанами явилось следствием специфики процесса формиро-

вания городского населения в Сталинске. Формирование городского населения в городе шло на базе рабочей силы Кузнецкстроя-КМК. Быстрый рост численности населения Сталинска происходил в сжатые сроки в условиях значительной отдаленности от старых городских промышленных центров и масштабного промышленного строительства во всей стране. Наиболее значимым каналом формирования рабочей силы Кузнецкстроя и населения Сталинска была принудительная миграция из деревни в город, ставшая результатом целенаправленных усилий государства, и деятельность управления Кузнецкстроя по обеспечению строительства рабочей силой. В условиях отдельного города произошла сверхконцентрация рабочей силы, преимущественно дешевой и малоквалифицированной.

По своим характеристикам сообщество жителей города являлось маргинализированным сообществом. Преодоление, или как минимум, смягчение состояния массовой маргинализации становится важнейшим условием постепенной трансформации огромной строительной площадки в локацию городского содержания. Как с точки зрения специфики социума, так и с точки зрения специфики среды. На преодоление маргинализации работал механизм адаптации, через который выходцы из деревни приспособивались к городскому образу жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борин А. Г. Формирование городского образа жизни в индустриальном городе (на материалах города Сталинска 1929–1941 гг.): дис. ... канд. ист. наук. — Томск, 2010. — 215 с.
2. Заболотская К. А. Роль угольной промышленности Кузбасса в экономическом и социальном развитии региона / К. А. Заболотская // Экономическая история Сибири XX века: материалы Всерос. науч. конф.: в 3 ч. / под ред. Е. В. Демчик. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. — Ч. 2. — С. 22–43
3. Исупов В. А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х–конец 50-х гг.) / В. А. Исупов — Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1991. — 291 с.
4. Волченко А. В. Изменение в численности и составе рабочих черной металлургии Кузбасса (1926–1941 гг.) / А. В. Волченко // Из истории рабочего класса в Кузбассе (1917–1963): сб. статей. — Кемерово: Кемеров. книж. изд-во, 1965. — Вып. 1. — С. 42–55
5. Кузбасс. Результаты переписи городского населения 1931 г. / Издание Статсектора Забсибкрайплана. — Новосибирск, 1931. — 64 с.
6. Десять лет города угля и металла: сб. / под ред. А. Фурман и др. — Сталинск: Большевицкая сталь, 1939. — 285 с.
7. Горев А. И. Маркс и проблемы социалистического расселения // Советская архитектура. — 1932. — № 2. — С. 3–7
8. Московский А. С. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.) / А. С. Московский, В. А. Исупов. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1984. — 168 с.
9. ГАНУ. — Ф. П-3. — Оп. 3. — Д. 294
10. НФ ГАКО. — Ф. Р-137. — Оп. 1. — Д. 79
11. Красильников С. А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е гг. / С. А. Красильников. — М.: РОССПЭН, 2003. — 285 с.
12. Красильников С. А. На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 — конец 1930-х годов) / С. А. Красильников; Новосиб. гос. ун-т. — Новосибирск, 1998. — 210 с.
13. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938 гг. / Сост. С. А. Красильников и др. — Новосибирск: Экор, 1994—310 с.
14. Заболотская К. А. Социально-демографическая политика Советского тоталитарного государства и ее последствия на современном этапе (на материалах Кузбасса) / К. А. Заболотская // Тоталитарный менталитет: проблемы изучения, пути преодоления: материалы междунар. науч. конф. — Кемерово, 2001. — С. 188–197.
15. ГАНУ. — Ф. П-3. — Оп. 2. — Д. 972
16. Бюллетень Кузнецкстроя за 1929 г. — Новосибирск, 1929 — С. 18–19

17. Адоньева А. Н. Воспоминания комсомольского работника // НФ ГАКО. — Ф. Р-317. — Оп. 1. — Д. 3. — Л. 17–24.
18. Профсоюзная перепись 1932–1933 гг. / ВЦСПС. — М., 1934. — 170 с.
19. Исаев В. И. Формирование городского образа жизни в процессе модернизации Сибири / В. И. Исаев // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв.: сб. материалов конф. / под ред. В. А. Ламина. — Новосибирск, 2003. — С. 287–295.
20. Борин А. Г. К вопросу о роли городской газеты в процессе формирования горожанина: (на материалах г. Сталинска 1930-х гг.) // II чтения, посвящённые памяти Р. Л. Яворского. Материалы научно-практической конференции — Новокузнецк, РИО КузГПА, 2006. — С. 34–36
21. Куприянов А. И. Русский горожанин в поисках социальной идентичности // Одиссей. Человек в истории. — М., 1998. — С. 56–72
22. НФ ГАКО. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 78. Л. 4.

© Борин Аркадий Георгиевич (Locotos1863@gmail.com), Музалев Антон Владимирович (musalew2@gmail.com).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Кемеровский государственный университет